

УДК 32.001

ДЕМОКРАТИЯ И ФЕМИНИЗМ: КРАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2012 г. О. А. Дуброва

Новочеркасская государственная мелиоративная академия

В представленной статье затрагивается проблема политической субъектности российского феминизма. Автор статьи делает вывод, что для повышения политического влияния и реального решения гендерных проблем феминистским структурам предстоит пройти путь от интеграции с властью к легитимации в пространстве гражданского общества.

Ключевые слова: *феминизм; политическое участие; политическое влияние; власть; гендерные проблемы; политическая субъектность.*

In the article author reviews a problem of feminism's political subjectness in Russia. Author comes to conclusion that to increase influence on policy and to solve gender problems feminist association has to work their way up from integration with government to legitimation in the civil society space.

Key words: *feminism; political participation; political influence; government; gender problems; political subjectness.*

Известный исследователь в сфере политических процессов Ч. Тилли поясняет, что дискуссия по существу демократии предполагает рассмотрение ее основного определения [1, с. 21]. Реализуемая в современной политической практике конституционный и процедурный подходы сосредотачиваются на анализе норм политической деятельности, в связи с чем возникают две трудности.

Во-первых, существует несоответствие между заявленными принципами и реальной практикой жизни. Во-вторых, устанавливая набор средств осуществления политики, необходимо рассмотреть последствия применения процедур, которые могут быть состязательными и содержать возможность расширения политического участия граждан или способствовать сужению политического выбора, смещая политические альтернативы на периферию жизни общества.

По этим критериям феминизм, как политическая структура, претендующая на представительство интересов женщины в политике, находится под влиянием конфигурации

политических обстоятельств. Имеется в виду, что квалифицируемая как демократическая, ситуация только ориентирует на принятие критериев политической деятельности, но не вносит принципиально нового в осмысление отношения феминизма и власти.

Действуя на уровне заложенных возможностей политической системы, движение феминизма определяет дилемму: или по возможности реализовать политический потенциал граждан, или добиваться делегирования властных полномочий путем легитимации и самолегитимации, заключением альянсов и сделок с правящей партией, участием в процессе политического посибилизма или интеграции во властные структуры.

Очевидная в данном случае близость феминизма к власти нуждается в некотором уточнении. В условиях сложившейся в России политической системы требование полноты гражданских прав женщин предполагает пересмотр всей совокупности властных отношений [2, с. 321]. Как идеальные можно рассматривать интересубъектные отношения,

отношения согласования интересов, возрастание автономности феминизма в оценке и решении гендерных проблем.

Но доминирующий вертикальный социальный контракт содержит возможность «допустимого» соучастия, приоритета властных структур в определении сферы влияния феминизма. Принципиальное различие с зарубежными аналогами заключается в том, что российский феминизм не наработал ресурс политического опыта и не влияет на общественные настроения в такой степени и таким образом, чтобы гендерные проблемы оценивались как актуальные и, главное, феминистские структуры воспринимались как реальные субъекты политической деятельности. Анализируя социологические данные, свидетельствующие о динамике массовых настроений россиян можно сделать вывод, что представления о гендерных проблемах включены в проблему существующих в обществе социальных неравенств и путей достижения социальной справедливости [3, с. 23].

Иными словами, россияне полагают, что социальные неравенства справедливы, если основываются на различиях в социально-профессиональном статусе или в степени «естественной одаренности». Стремление осуществить полноту прав женщины вне представленных критериев воспринимается как ведущее к несправедливости, к предоставлению необоснованных социальных преференций.

В российском обществе актуальной является проблема социальных прав, воспринимаемых недифференцированно, вне зависимости от гендерного статуса. Высоко оценивая важность конституционных прав и свобод, 60% поддерживают идею демократической формы правления [3, с. 423], респонденты полагают, что права и свободы важны потому, что обеспечивают достойный уровень жизни и защищают личное достоинство. Политическое участие, таким образом, определяется тем, что политические субъекты вносят в жизнь. Сущностный смысл демократии выражается во влиянии феминизма на процессы принятия различными ветвями власти политических решений.

Перед феминистским движением открываются два пути формирования политической субъектности. С одной стороны, можно стре-

миться к перераспределению полномочий в существующей политической системе. С другой — развивать формы гражданской активности, действуя на уровне диалога с властью. Ясно, что нельзя ограничиваться старым суфражистским правилом превращения женщин в граждан «первого сорта». Гендерные проблемы в российском варианте восходят к неразвитости сферы приватной жизни, традиции «политического» вмешательства в сферу реальных жизненных стратегий.

В предшествующий советский период гендерная проблематика не легитимировалась, так как использовался принцип политико-идеологической унификации: деятельность женских организаций рассматривалась как интегративная, мобилизующая женщин на участие в осуществление политических и социальных проектов власти. С формированием в российском обществе представления о приватной сфере как сфере индивидуальной свободы, тем не менее, не утратился смысл отнесения возникшей гендерной проблематики к сфере властных отношений.

Включение женщин в реальный политический процесс определяется интенциями общественных настроений к властным структурам внедрить парадигму гендерного равенства на основе сохранения базовых гендерных различий. Другими словами, равенство трактуется в контексте участия женщин в квалифицируемых как «сугубо женские» проблемах, но исключая попытки влияния на процессы, имеющие общественно-политический резонанс.

Выдвинутое предположение подтверждается позициями населения: отрицая важность формирования политической структуры по гендерному принципу, респонденты желали бы большей и плодотворной активности женских организаций в обеспечении социальных прав женщин, стабилизации сферы семейных отношений и укрепления института семьи.

Оценивая подобный тренд «патриархальным», мы можем впасть в заблуждение, охарактеризовав общественные настроения отстающими от запроса общества на равноправие женщин и прекращение различных форм социальной и политической дискриминации. В контексте формирования модели политической субъектности феминизма важно понимать усиление не политической

суверенности, а демократизации. Важным является формирование системы политического участия, включающей гражданский потенциал, формы, способы и навыки взаимодействия между различными политическими субъектами на основе обретения женщинами права на гражданские, политические и деловые инициативы.

Как хорошо известно, стремление нарастить монополию на решение любой проблемы ведет к росту бюрократии, преграждающей путь всякой инициативе и ответственности [2, с. 281]. Даже если принять как реальный способ влияния на политическую жизнь путем оптимального вхождения во властные структуры, нельзя не отметить риски, определяемые сложившимся административным рынком и принятием политических решений по логике бюрократического самовоспроизводства.

В общественно-политической жизни российского общества функционируют различные организации, «специализирующиеся» по гендерной проблематике, однако общественному мнению не представлены ни концепция «гендерной политики», ни экспертная оценка о положении женщин в российском обществе. Такая ситуация складывается под влиянием трех факторов. Во-первых, существующие структуры, в основном, продолжают «советскую» традицию несамостоятельности позиции в решении гендерных проблем. Во-вторых, не сформировалась политика гражданских инициатив и имеющиеся в российском обществе возможности политического участия пренебрегаются под видом аргументации чрезмерного политического вмешательства. В-третьих, сложившийся властный дискурс располагает к наращиванию влияния, а не участия, состязанию за пределы политической легитимности и определение границ политической деятельности для удовлетворения властных запросов.

Практики политической партиципации (участия) направлены на внедрение процедур представительности, но заслуживает внимания и то обстоятельство, что политическое равноправие важно, если включает ответственность за принятие решений и выбор наилучших из них [1, с. 58]. С этой точки зрения российский феминизм не замечен в принятии

переговоров, в поиске взаимоприемлемых решений, ставящих гендерные проблемы на уровень общедемократических и влияющих на степень взаимодействия гражданских и политических ассоциаций.

Несмотря на то, что в обществе существует поддержка демократических институтов, концентрация политики на кратологическом направлении минимизирует участие политических структур в функционировании политических институтов по принципу «нет власти, нет ответственности», в то время как существуют реальные возможности артикуляции и лоббирования гендерных проблем. Основной целью российского феминизма как политического субъекта является удержание монополии на гендерную проблематику, что создает трудности взаимодействия с другими политическими субъектами и единственным стимулом оказывается сближение или вхождение во власть. Исключение практики сотрудничества с действующими независимо политическими субъектами не способствует выработке ресурсов, обеспечивающих конвенцию интересов.

Характер принимаемых российской властью политических решений обусловлен влиянием политической вертикали и позиция феминистских структур варьируется в зависимости от ресурса близости или лоббирования. Реальная деятельность заключается в том, что создаются определенные условия для выдвижения идей, а в их реализации роль самих феминистских структур достаточно незаметна. Расширение возможностей влияния связывается со способностью выделять и оценивать потенциальность изменений в гендерной политике. Вместе с тем постоянно возникает проблема эффективности влияния, так как те или иные конкретные проекты осуществляются в зависимости от властных приоритетов.

Очевидно, что потенциал влияния феминистских структур на власть определяется ее собственным выбором, восприятием феминизма или как желательного политического актора, или имеющего «нулевое» влияние, или выступающего как носитель антисистемных тенденций. Как показывает опыт политического строительства в России, феминистские структуры упустили возможность

войти в политическое лидерство в конце 90-х годов 20 века.

В этот период выявилась тенденция перестройки политического пространства, связанная как с запросом общества на порядок и стабильность, так и с реконструкцией целостного политико-правового пространства. По определенным причинам феминистские структуры отстали от логики концентрации власти, и их влияние значительно снизилось по сравнению с предшествующим периодом, хотя и в начале 1990-х годов сфера политических интересов феминизма основывалась на сохранении системы представительства.

«Интегрироваться в политическую жизнь на уровне гражданского общества» можно назвать позитивной целью, но в реальном гражданско-политическом пространстве наблюдается уплотнение: правозащитные структуры, нарабатывшие бренд политической автономии и компетентности успешно соперничают с феминистскими организациями по определению и защите универсальных политических прав и свобод.

К тому же, существующие феминистские организации не обладают капиталом политической активности и не включены в систему партнерства с государством по защите прав женщин. Другими словами, обозначая свое положение в политической жизни как структуры представительства интересов, феминистские структуры проявляют себя преимущественно в сфере лоббирования, ограничивая избирательную активность и, тем более, социальную инициативу, партиципацию проекта гражданского общества.

Если интерпретировать сложившуюся ситуацию как кризис феминизма, речь по существу о утрате политической легитимности: пережив период предотвращения нестабильности феминистские организации в условиях вертикали власти снизили влияние на регулирование политических процессов.

Необходимо учитывать, что полагая неприемлемость стихийного развития, можно столкнуться с тем, что заявленные программы реально не воплощаются: существуют большие сомнения относительно того, как феминистские структуры влияют на динамику положения женщины в российском об-

ществе. Особенно эта проблема актуальна в связи с ростом дискриминации по религиозно-этическим, социально-трудовым и политическим основаниям.

Внедрение образцов современности в качестве ориентиров для включения в глобальное феминистское движение вызывает непредвиденные эффекты ухода из регионального социума. Реально российский феминизм все больше принимает столичный характер и воспринимается в образах камерной или кулуарной политики.

Какие здесь возникают альтернативы и, какие факторы могут подтолкнуть феминизм к политическим инновациям? Очевидно, что парадигма вхождения во власть недостижима для феминистских организаций, которые не ориентированы на стратегию устойчивого и эффективного давления на власть и в то же время избегают реальной конкуренции в пространстве гражданского общества.

Возможный путь создания коалиции, на первый взгляд, кажется приемлемым, если не принимать во внимание кратологичность феминистских практик и, соответственно, в качестве первоочередного усилия пересмотр приоритетов для усиления конкурентности, сплоченности, способности организованно отстаивать интересы женщин и, не менее важно, привлечь «аполитичных» граждан. В условиях, когда большинство россиян поддерживают демократические институты, но демонстрируют неприятие и неучастие в существующих политических формах [3, с. 424], вероятным представляется выбор форм участия, содержащих неполитический смысл.

Имеется в виду, что инициативы социо-экологического и волонтерского характера обладают мобилизационным воздействием, по сравнению с традиционными политическими акциями. Сложившаяся ситуация предполагает, что критерием оценки эффективности феминистских структур можно считать степень соответствия осуществляемой деятельности принципам и нормам гражданских прав и свобод. Существующие направления деятельности обусловлены проблемой политического иммунитета, сохранения бюрократической традиции и, обобщая вышесказанное, можно определить положение

феминистских структур как взаимоисключающее влияние на гражданские институты и властную институциональную среду.

Отличаясь по существу от зарубежных аналогов тем, что российский феминизм получил легитимность от государства, но не от общества, мы можем отметить, что если и существует политическое влияние феминизма, оно реализуется, в основном, «в тени» [2, с. 128].

Так как политическая система в российском обществе инструментальна, определяется задачами участия политических «корпораций», феминистские структуры предопределенно проигрывают им по уровню финансово-организационных и информационных ресурсов. Властным структурам лоббирование интересов женщин значимо, если содержит возможности укрепления позиций конкретных элитных групп. Судя по тому, что феминистская проблематика не является активно влияющей на политическую деятельность, в перспективе может наблюдаться радикализация определенной части феминистских структур, ориентированная на занятие соответствующей ниши в отношениях с политическими корпорациями и «абсорбция» умеренного феминизма в авторитетные гражданские ассоциации.

Так как власть практически не реагирует на феминистскую проблематику или ограничивается декларативными заверениями, в феминистской среде нарастают противоречия между сторонниками системной позиции, лояльности по отношению к власти и радикалами, пока немногочисленными, но активными в проведении политики критики и бойкота властных структур. Надо отметить, что и за рубежом отношения феминистских структур и власти не является вполне гармоничными, характеризуется наступлением эпохи приоритета защиты прав меньшинств, при которой из феминизма устраняется ее интегрирующее, социально-рациональное ядро. Российский феминизм закладывает определенный элемент противостояния тем, что ожидает от власти решения проблем вне механизма двустороннего диалога и переда-

вая полную ответственность за ситуацию с правами женщин на властные структуры.

Рассогласование потребности общества в конструктивной политической деятельности и политическими субъектами формально претендующими на защиту прав и свобод, является не просто «конфликтом добрых намерений» [4, с. 71]. Решения, принимаемые в политической сфере, всегда требуют компромисса и сбалансированности интересов. Равенство женщин должно учитывать стимулы гражданской и политической активности, соотноситься с интересами других социальных и социально-культурных групп. Наконец, действовать на общественное благо, обеспечивать позитивные перемены по укреплению демократических институтов.

Ясно, что для реализации заявленных целей не обязательно желать «неограниченной» власти. Напротив, можно утверждать, что политическое участие предусматривает взаимодействие феминизма и власти по линии взаимозависимости и равенства шансов в принятии решений по гендерной проблематике. Подходя к оценке российской власти с гражданских позиций, избавившись от комплекса политической опеки, феминистские структуры могут больше влиять на стратегию воздействия в контексте политических дискуссий и наращивания участия в региональных и локальных структурах власти.

Литература

1. Тилли Ч. Демократия. — М.: ИНОП, 2007.
2. Модернизация и политика в XXI веке. / Отв. ред. Ю. С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
3. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России. / Авт.-сост. Е. П. Добрынина; под общ. ред. М. К. Горшкова. — М.: ИИК «Российская газета», 2007.
4. Даль Р. О демократии. — М.: Аспект-пресс, 2000.

Поступила в редакцию

18 августа 2012 г.

Оксана Алексеевна Дуброва — кандидат политических наук, доцент кафедры философии и педагогики Новочеркасской государственной мелиоративной академии.

Oksana Alekseyevna Dubrova — Ph.D., Candidate of Political Science, docent at the Philosophy and Pedagogics department of Novocherkassk State Land Reclamation Academy.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111, ауд. 213
111 Pushkinskaya st., r. 213, 346400, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (909) 435-81-96; e-mail: okdubrova@yandex.ru
